

МАТЕРИАЛЫ. ПУБЛИКАЦИИ. ЗАМЕТКИ

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМАН

Вильнюсский университет

**О названиях цепа и его частей
в старообрядческих говорах Литвы и в псковских говорах**

В псковских говорах известны следующие названия цепа: *привязь, привяза, привоз, (ручная) молотилка, ручник (рутник)* ([ДАРЯ III, карта № 39]; предварительная публикация материалов ДАРЯ и их анализ в [Кармакова 1991]; дополнительные сведения о говорах Псковского р-на в [Чекмонас 1997]); безусловно, все они являются инновациями, вытеснившими образования от общеславянского **сѣр-* ‘цеплять, -цепить’ [ЭССЯ 3].

В некоторых микроареалах к югу от Пскова собиратели материалов для ДАРЯ отметили также лексему *цеп*; кроме того, почти по всей Псковщине зафиксировано использование формы *кеп* в значениях ‘ручная молотилка, цеп’, ‘ручка цепа’ и ‘бьющая часть цепа, било’ [Глускина 1968, 25]. В материалах картотеки Псковского областного словаря таких примеров к настоящему времени накопилось намного больше, чем их было приведено в статье С.М. Глускиной, однако на карте № 39 [ДАРЯ III] их распространение не отражено.

Независимо от того, считать ли пск. *цеп* и *кеп* архаизмами по отношению к указанным выше инновациям или артефактами, отражающими своеобразие языковой биографии отдельных информантов (что является, по нашему мнению, более вероятным), хронология становления набора терминов со значением ‘цеп’ и его частей, характерного для псковских говоров, представляет несомненный интерес.

Факты, которыми мы располагаем к настоящему времени, позволяют утверждать, что, во-первых, этот набор на территории Псковщины существовал уже по крайней мере в конце XVII в. — к тому

времени, когда начало формироваться русское старообрядческое население Литвы; во-вторых, слово *цеп* не является в старообрядческих говорах Литвы исконным, принесенным с “материка”. Рассмотрим, прежде всего, факты старообрядческих говоров Литвы.

В начале 70-ых гг. XX в. студент заочного отделения русского языка и литературы Вильнюсского университета (старообрядец) *Григорий* (фамилия не установлена) сделал несколько магнитофонных записей в д. Дягучяй (лит. Degūčiai) Зарасайского района, где он проживал. Их можно считать уникальными, поскольку к настоящему времени сохранилось лишь несколько магнитофонных записей 60–70 гг. — эпохи расцвета диалектологических исследований в Литве.

Одним из его информаторов была *Ольга Медуницкая*, родившаяся предположительно в начале века. Рассказы “бабушки Ольги” (как ее называет Григорий) насыщены терминами, обозначающими понятия, связанные с крестьянскими работами. При этом интересующие нас названия *цепы* и его частей прозвучали в следующем контексте:

{А как-то вручную молотили...} / так эта · *привиз*^{мн} *мълатили* /

{А как вот этим *привизим* молотят?} / а *привизъм* *мълатили* <...> эта давно / эта ^{аж} я ня помню “эта время как *мълатили* //

губиѡ тако^е *бальшойя* и в тым *губнѣ* дельли *рей* такой ставили / и в этъм *прыѡ* . *зярно* суш·или / *спаны* ^{прама} ставили кругом / <...> и суш·или // и тада выносят нѡ^а *тѣквиниѡ* / *рѣсцилают* / и быють *цапцѡм* //

такии вот *цавѣнка* / а тут така^а *палка* / <...> *полмѣтры* так нац·ют / *цапѣц* нѣзъваициѣ / *привѣтъна* / аны *хо^ѡит* нѣ *варѣвѣчки* как *хо^ѡиш* / ну и за *пляча* *фургаит* и *фургаит* / *бѣйои* и *бѣйои* бывала / *втрѣх* ч·тырѣх // я *мълатила* ^{аж} этъм . *цапцѡм* / но только што не са *рѣя* / а так бывала *зѣстѣръники* / *навозиш* · *хлеб* / а тагда пайдѣм и *малотим* / <...> ай токъ *мала* / этѣ *каторыи* на *кули* *тока* мы *трясли* / а так ни *мълатили* / *маш·ынѣм* *мълати*^{тн} //

{А на кули, как это на кули?} а на *кули* этѣ . ‘*крышу* *крыть* / ѡ^т*трясаиш* *сноп* / как *харошѣя* *саломы* в *руках* *держѣиш* / а *плахую* *мелкую* *всю* *вытриши* во // *тока* *рукѡм* *мълатили* нѣ *кули* / <...> и *крышѣ*ш *крыли* *всягда* *саломѣй* //

{А как это рожь обивают?} *ѡбивѡит* / *кагда* *возиш* с *поля* . *рош*· / *тагда* *поставиш*· *такой* *кѣзляѡк* / *хто* *какой* *мев* / *хто* *казѣл* / *хто* *какую* *мялку* *где* · *лѣн* *мнут* / и *ѡи* *сцѣбѡиш* / *ѣ* *камѣль* *вазьмѣиш* <...?> а *эты* *сцѣбѡиш* <...> на *кѣзлялѣ* / этѣ *вжѣ* *ѡбиваица* *каторѣя* *харошѣя* *зярно* *идѣт* //

В рассказе О. Медуницкой все значимо — и то, что обычай молотить *привизим* ‘цепами’ уже уходил в прошлое (а *привизъм* *мълатили* <...> *эта* *давно*), и что *привизим* обычно обмолачивали снопы только на *кули*, из соломы которых делали большие снопы-связки, чтобы

крыть крыши (*тока рука́м мѣтали нѣ кули / <...> и крышьи крыли всегда сало́м'й*). Ручка цепа называлась *цавѣнка*, к ней прицеплялась *така́ палка* длиной около полуметра, *цапе́ц нѣзваициѣ*. Высушенные во рью снопы просто оббивали, чтобы набрать зерно на семена (*зѣ каме́ль ва́зьмѣш и сцяба́иш <...> па_кѣзьялку*).

Этот отрывок мы привели как пример одной из самых полных реализаций *гипертекста* на данную тему, т.е. один из рассказов, наиболее насыщенных традиционными терминами. Во время экспедиций 1996–2002 гг. было записано множество текстов, увы, уже менее полных, но в общем содержащих аналогичную информацию. При этом *цавинкой* нередко называли привязанную палку, т.е. било цепа, а не его ручку; в говорах некоторых деревень (ойколектах) или только в говорах отдельных семей (сингенолектах) в значении ‘цеп’ использовалось слово (*ручная*) *мѣлатѣлка* — либо только оно, либо наряду с *привисѣ*, ср.: (возьмешь) *мѣлатилку ручную / ну там ручная мѣлатилка / ну и мѣлатилку знали // привисѣ э́тѣт самый // падай мѣлатилку сюда // или привисѣ / кто как назо́вит* (д. Савьяны, лит. Suvėnai, Зарасайского р-на Литвы).

Слово *цавинка*, *цавина* в старообрядческих говорах Литвы не является специальным термином для обозначения ручки цепа. Оно используется для названия удлиненной ручки любого предмета, в том числе косы, грабель, вил, иногда даже рукоятки молотка и топорича [ср.: Материалы 1963]. В то же время нами не было отмечено ни одного случая произношения *кевина*, *кевинка*, зафиксированного в отдельных пунктах на Псковщине, см. карту № 41 [ДАРЯ III].

Наиболее распространенным названием была цепа в наших говорах является *цапе́ц*; на территории Псковщины оно известно между Новоржевом, Опочкой и Великими Луками [там же]. В ряде старообрядческих говоров эта реалия называется также *цапо́к*, которое в южной части Псковщины почти не сохранилось [там же]. В некоторых старообрядческих деревнях било цепа называли также *тѣбийѣшкѣй* ‘побиешкой’ или *тѣвавѣшкѣй*, изредка *ката́лкой*, напр.: *палка ну и ката́лка привязѣн / к палки ката́лка* (д. Обальцы, лит. Vabliai, Рокишского р-на Литвы); слово *кѣлатушка* в этом значении использовали информаторы, которые уже забыли все традиционные термины, напр.: *палки / кѣла_палки привязѣн така́я кѣлатушка* (д. Римки, лит. Rimkaĩ, Йонавского р-на Литвы). Все перечисленные названия била, кроме *цапец* и *цапок*, на территории русских говоров неизвестны.

Не исключено, что в речи некоторых информаторов слово *цеп* значит именно ‘било’, ср.: *цапец э́та каторый привязѣный / а привисѣ*

эта вся амуниция; или привизим мы нъзывали / цеп эта привязный (д. Римки, лит. Rimkai, Йонавского р-на Литвы).

Большинство информаторов говорят *мълатить привизъм* или *привизъм*, более редко отмечены высказывания (молотить) *этъй привизйу*.

Можно утверждать, что в старообрядческих говорах Литвы отсутствует слово *путьо* как название ремня или веревки, соединяющих *цавину* и *цанец/цанок*; обычно говорят, что это просто *рёминь* или *вярѣвка/вярѣвчкка*, которые в данном случае вряд ли являются специальными терминами, ср.: *зарезъна ямка / навязъна вярѣвчкка такая вот дълины / а патом такой вот дълины ну <...> яшчо палка / и тут дыра прасернута / и тагда на эту вярѣвчкку на эту палку вешъм / <...> и мълати этъй привизйу* (д. Федоришки, лит. Kvedariškis, Рокишкского р-на Литвы).

Каталогизация и картографирование всех зафиксированных лексем со значением цепа и его частей представляет несомненный интерес для изучения генезиса старообрядческих говоров Литвы в целом, их отдельных ойколектов и сингенолектов (семейных говоров), а также для русско-иноязычных языковых контактов. Для нас сейчас самым важным является то, что многие информаторы (без всякого нажима со стороны эксплораторов) подчеркивали, что *цеп* — это новое в их говоре слово, заимствованное из польского, ср.:

привизь эта / и цаны зовют / цаны эта можса большы с польскѣва / как мы больша в палях там жыли / <...> а на-руски привись (д. Блажишки Поставского р-на Беларуси);

на-польски цеп а на-руськи привись / длинъя палка / а къла этъй палки привязн ну во такая во шичо / цавинка // эта цанок (д. Михалова, лит. Mikalavas, Игналинского р-на Литвы);

(А то, что привязано, как называли?) *цанец // <...> как даст табе цанцѣм // цавинка и цанец / <...> цеп эта с польскѣва* (д. Изабелина, лит. Izabelinė, Игналинского р-на Литвы);

привись / цеп как называли / цанам мълатили привязъм / цавъна эта привись / привязъна / цанам наверна на-польски / мълутили цанами / а привись рускъе слова (д. Большие Ибяны, лит. Didieji Ibėnai, Каунасского р-на Литвы).

Естественно и понятно, что только в говорах Швенченско-Лынтупской зоны (на юге Литвы и прилегающих местностях Беларуси), т.е. в белорусском окружении, отвечая на вопрос “А как вручную молотили?” информаторы сначала обычно говорили *цанам*, а затем вспоминали слово *привись*, напр.:

цѣним этъм абивайут / ну привись / ну цѣпи звали / цѣям мълатили //;
(чем молотить) *ц-еп звали // цанам / кули трясици / <...> ай привизь та*

аны звали / эта адно ж / али ц-еп эта <...> // можжа й прівись // привись и звали / эта йа ужжо сказала можжа таперь хто назавшы ц-еп / привись (д. Апидомы Лынтупского с/с Поставского р-на Беларуси);

этат цэп будит / дубовыя такайа / здаровыя // цавина / за йайе бярут / нъзывали кто как / и привись нъзывали / мы нъзывали цэп мълатитъ / цэп тьк назватъ тока во эту во (показывает на било) / *а с этъм так можът и прівисъ так эта ръзбравшы тока* (д. Гуделишки Лынтупского с/с Поставского р-на Беларуси);

такии ц-епи / прівизи нъзываюцца / мълатели этъм цѣпыйим //; ц-еп или привись гъварят цанам малотют и прівизим / привизъм / цавинка (д. Юргелишки, лит. Jurgellškė, Швенченского р-на Литвы);

гъварит ц-еп а не привись / что большы привыкшы тут пь-белару́ску (д. Бочкиники, лит. Bāčkinkai, Швенченского р-на Литвы).

Как видим, в последнем высказывании прямо указан источник заимствования слова *цеп*; во втором контексте информант признается, что это *только она* сказала *цеп*, а так обычно говорили *привись*; в первом и четвертом из приведенных контекстов на неисконность слова *цеп* указывает, во-первых, то, что оно использовано во мн. числе (*ц-епи звали; такии цѣпи*), а в тв. п. мн. числа — в форме ж. рода (*цэпъм мълатели; мълатели этъм цѣпыйим*). Наконец, информатор из д. Гуделишки допускает, что *цеп* — это только ‘било цепя’, а не ‘цеп’ вообще; это значение слова *цеп* в качестве основного зафиксировано в говорах Йонавского района Литвы [см.: Материалы 1963].

Приведенные материалы, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в старообрядческих говорах Литвы слово *цеп* не является исконным. А это означает, в свою очередь, что оно уже в XVIII в. отсутствовало в “донорских” материковых русских говорах, иначе его обязательно принесли бы их носители, селившиеся на территории Речи Посполитой (фактически Великого княжества Литовского) в течение всего XVIII в. — вплоть до третьего раздела Польши в 1795 г.

Материалы карты № 39 ДАРЯ III позволяют предполагать, что лексема *цеп* в исконном значении уже не использовалась, скорее всего, не только в псковских говорах XVII–XVIII вв., но она была вытеснена новообразованиями, перечисленными в начале наших заметок, гораздо раньше, видимо, еще в древних псковских (кривичских) и древних новгородских (словенских) говорах; при этом, судя по географии современных вариантов названий этой реалии, для первых была характерна форма **при-везь*, для вторых — **при-рзь(-ь)* (корень **рз-* отражен в рус. *узы, узел*). К **при-везь* восходят южно-пск. *привязь* (фонет. *прівись*), центрально-пск. *прівяза и прівяз*, отмеченное в одном микроареале на Гдовщине; форма **при-рзь(-ь)* стала

исходной для всех вариантов, зафиксированных на территории современных новгородских говоров и территориях, освоенных новгородцами в средневековье (*пріуза, прівуза, пріузь, прівузь* и дальнейшие образования от них — *пріузда, пріузь, прімуза*). Сказанное и является основанием для того, чтобы считать формы *цеп* и *кеп*, изредка фиксируемые в псковских говорах, артефактами, в том смысле, что *цеп* является не диалектным словом, а проникновением из общерусской разговорной или литературной речи, а его реализация *кеп* отражает стремление информаторов избежать цоканья, память о существовании которого сохраняется у всех носителей псковской речи, постоянно проживающих в сельской местности.

Названия била цепа — *цяпéц* ‘цепец’ и *цяпóк* ‘цепок’, известные в старообрядческих говорах Литвы и, как уже упоминалось, хорошо сохранившиеся лишь в части псковских говоров (между Новоржевом и Великими Луками), а также в западной части севернорусских говоров (см. карту № 41 [ДАРЯ III]) показывают, что корень *цеп-* был семантизирован носителями старых псковских и новгородских говоров по значению глагола **цепить, *цеплять*; об этом свидетельствуют уменьшительные суффиксы *-ец, -ок* в этих формах. Иными словами, с указанными суффиксальными модификациями корень *цеп-* был использован для обозначения той части цепа, которая *при-цепляется*, привязывается к его ручке, ср. аналогичные попытки объяснить значение слова *цеп* в высказываниях носителей старообрядческих говоров Литвы, как бы моделирующих этот процесс. Поскольку в старообрядческих говорах не отмечено ни одного случая реализаций типа *кяпéц/кяпóк*, зафиксированных на Псковщине в окрестностях Опочки (и спорадически, судя по предварительным сведениям, — в других ареалах), то можно усомниться в их древности; артефактное же *кеп* подсказывает, что и *кяпéц/кяпóк* являются, скорее всего, гиперкорректными формами, отражающими стремление носителей соответствующих говоров избежать непристойного для них цоканья.

В старообрядческих говорах Литвы ни ранее, в 60-ых годах прошлого века, ни в ходе экспедиций 1996–2002 гг. не было отмечено слов с начальным *к-* типа *кявіна, кяпóк/кяпéц, кеп*; кроме того, *цеп* является в них заимствованием из польского и/или из белорусского языков. Это позволяет с полной уверенностью утверждать, что в самих псковских говорах начальное *к-* в перечисленных лексемах не является архаизмом, указывающим на отсутствие второй общеславянской палатализации, как склонны считать сторонники гипотезы М.Ф. Глускиной, изложенной ею в статье [1968].

К юго-востоку от Новоржева и далее к востоку на Псковщине и Новгородчине в говорах вдоль р. Ловать, а также к северу от Новгорода более распространенной является форма пск. *тяпéц*/новг. *тепéц*, обычно соседствующая с пск. *цапéц*/новг. *цепéц*, см. карту № 41. Очевидно, начальное *т-* в этих формах также отражает отход от цокающего произношения (о чем, с обзором соответствующей литературы, см. [Бьёрнфлатен 1993]), вследствие чего затемняется первоначальное значение этого слова.

Наконец, последнее замечание. Во время наших экспедиций по изучению псковских говоров информанты *часто* и в самых различных районах Псковщины утверждали, что раньше, особенно в бедных семьях и когда урожай был небогатым, высушенные снопы не молотили, а *пáлкэм аббивáли*. При этом четко различали этот способ обмолота как от обмолота цепами *на кулi*, так и для отбора семян, когда снопы *апсцiябъвъли* (ср. аналогичные контексты из старобрядческих говоров). В д. Слезы под Сенно (несколько к северу от Опочки) одна из информанток сказала, что она не только снопы *пáлкэм аббивала* сама, но и постоянно хранит эту палку (или палки), как и другие специальные инструменты. Оказалось, что это не просто палка, а весьма специальное “приспособление”, несколько похожее на слабоизогнутую клюшку с более тонкой ручкой и с утолщенной изогнутой частью. По словам информантки, и другие хозяева обычно и часто снопы оббивали такими “палками”, эти палки не выбрасывали, а хранили до следующего обмолота. Во многих деревнях местные жители рассказывали, что обычай оббивать снопы “палками” особенно был распространен во время войны и в послевоенные годы, но старшие информаторы утверждали, что это делалось и ранее в прошлом, насколько они его помнили.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, не был ли в прошлом этот способ обмолота зерновых “палкой” основным для аборигенного *неславянского* населения во времена формирования псковских и новгородских говоров?; не была ли первоначально эта “палка” и названа просто *молотилкой* — словом с прозрачной этимологией и сохранившемся практически на периферии псковских (на территории вплоть до Твери; зафиксировано оно и в некоторых старобрядческих говорах Литвы), северо-западной части северно-русских говоров (на Гдовщине и далее на север), а также на самой юго-восточной окраине новгородских по происхождению говоров?; не были ли псковско-новгородские инновации в названиях цепа и его частей обусловлены тем обстоятельством, что цеп *постепенно* входил в

обиход этого населения?; не является ли слово *ручник* в значении ‘цеп’, распространенное на территории между Псковом и Островом до границы с Латвией и Эстонией (см. карту № 39 ДАРЯ III; нами зафиксирован также *рутник*), “свернутой” формой сочетания *ручная млатилка*, известного во всех псковских говорах, где на этой карте отмечено просто *млатилка*?

Высказанные предположения сами собой напрашиваются при анализе карт №№ 39–41 ДАРЯ III; если же удастся найти дополнительные этнографические свидетельства в их пользу, то можно будет говорить о том, что рассмотренные материалы действительно имеют некоторое значение для понимания особенностей истории формирования псковских и новгородских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьёрнфлатен Я.И., 1993: Псковские говоры в общеславянском контексте, in *Meddeleser*: Норвежские доклады на XI-ом съезде славистов (Братислава, сентябрь 1993). Oslo, 7–22.
- Глускина С.М., 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русских говорах (на материале северо-западных говоров), in *Псковские говоры*. II. Псков, 20–43.
- ДАРЯ III = *Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части России)*. Карты. Выпуск III (часть 1): Лексика. Москва–Минск, 1997.
- Кармакова О.Е., 1991: Изучение комбинаторики в названиях цепа и его частей, in *Современные русские говоры*. Москва, 148–163.
- Материалы 1963 = Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова Т.Ф., *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига (Ученые записки Латвийского государственного университета, т. 51: Филологические науки, вып. 8А).
- Чекмонас В.Н., 1997: О названиях *цена* в говорах Псковского района (к проблеме ‘кепа’), *Slavistica Vilnensis 1995* (Kalbotyga, 45(2)). 82–96.
- ЭССЯ = Трубачев О.Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 3 (*bratъсь–*сьгку). Москва, 1976.